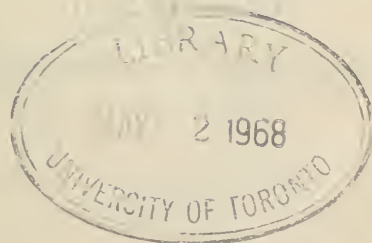

Р6
3337
Р2
1888
т. 3-4

Полное собрание сочинений

Ивана Ивановича ПАНАЕВА.

Издание Н. Т. Мартынова.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ИВАНА ИВАНОВИЧА

ПАНАЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

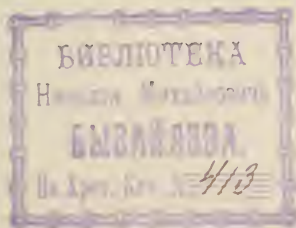
1888.

И. И. ПАНАЕВЪ.

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ

1847—1852.

Львы въ провинціи.—Родственники.—Встрѣча на
станціи.

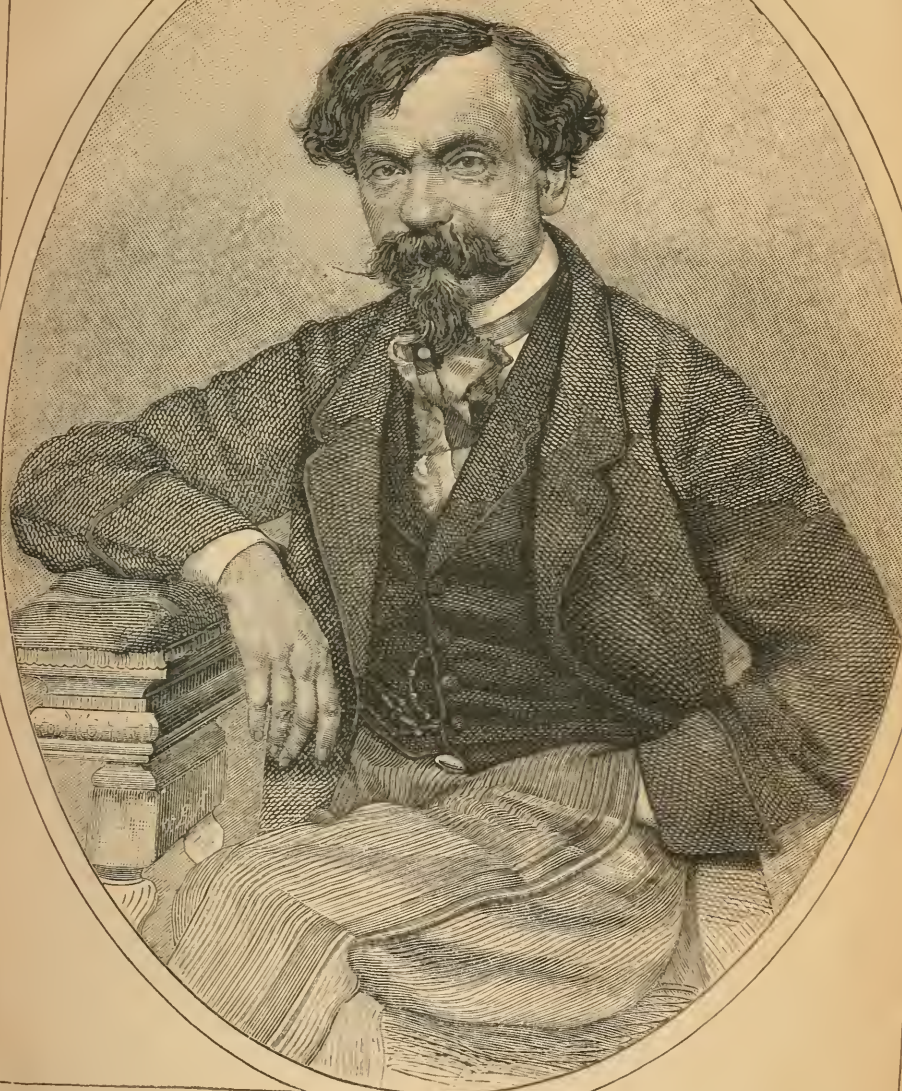

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

—
1888.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
1852. Львы въ провинціи	1
1847. Родственники	369
› Встрѣча на станціи	459

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

При распредѣленіи содержанія нашего изданія мы имѣли въ виду сохранить по возможности хронологическій порядокъ появленія въ печати произведеній Н. Н. Панаева, что и было нами вполне примѣнено при печатаніи двухъ первыхъ томовъ, обнимающихъ первое десятилѣтіе литературной дѣятельности Панаева съ 1834 по 1844 годъ. При изданіи послѣдующихъ томовъ мы къ сожалѣнію не можемъ строго придерживаться этого правила, по самымъ условіямъ печатанія, въ виду необходимости придать возможно равный объемъ каждому изъ томовъ. Поэтому томы 3 и 4, заключающіе въ себѣ Романы и Повѣсти съ 1845 по 1858, не могли быть изданы съ строгимъ соблюденіемъ хронологическаго порядка, а затѣмъ всѣ мелкіе рассказы, очерки, журнальныя статьи и стихотворенія, помѣщавшіеся Панаевымъ въ Современники и друг. изданіяхъ подъ псевдонимомъ Новый поэтъ, мы сгруппировали на нѣсколько отдѣловъ и отнесли въ составъ 5-го и 6-го томовъ.

Портретъ автора, гравированный на стали, заказанъ Брокгаузу въ Лейпцигъ и по отпечатаніи будетъ приложенъ къ 5-му или къ 6 му тому; но имѣя кромѣ того въ своемъ распоряженіи довольно удачный портретъ, рѣзанный на деревѣ, мы сочли не излишнимъ помѣстить и его въ настоящемъ томѣ.

Въ первоначальномъ своемъ объявленіи мы обѣщали издать первые два тома въ Январѣ нынѣшняго года, но не могли

этого сдѣлать въ интересахъ полноты изданія. Намъ указано было такъ много новаго матеріала, никогда не перепечатававшегося послѣ своего первоначальнаго появленія, что по необходимости пришлось замедлить печатаніе. Впрочемъ вслѣдствіе такого замедленія и. подписчики получаютъ теперь за прежнюю подписную цѣну нѣсколькими листами болѣе противъ обещаннаго нами; но для новыхъ подписчиковъ мы должны увеличить цѣну до 12 р. 50 к.

Издатель Н. Мартыновъ.

Апрѣля 14-го дня,
1888 г.

ЛЬВЫ ВЪ ПРОВИНЦІИ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

— Это было въ мою первую поѣздку за границу, говорилъ своимъ слушателямъ невысокій, худощавый, плѣшивый, но живой и бойкій старичокъ, протяжно и съ разстановками, стараясь придавать выпуклость и вѣсъ каждому своему слову, и глубокомысленно шуря, а въ мѣстахъ самыхъ эффектныхъ совсѣмъ закрывая свои маленькіе глазки.

Слушателями плѣшиваго старичка были: старушка съ пріятнымъ и добродушнымъ выраженіемъ лица, шевелившая длинными деревянными спицами, потому что она занималась вязаніемъ шерстянаго одѣяла или шарфа; дѣвушка лѣтъ девятнадцати, съ чертами не совсѣмъ правильными, но привлекательными, занимавшаяся шитьемъ, — и какой-то господинъ съ круглымъ и рябоватымъ лицомъ, съ густыми, коротко обстриженными и торчащими на головѣ волосами, безъ малѣйшаго признака бѣлья, въ сюртукѣ ниже колѣнъ, безпрестанно моргавшій глазами и не занимавшійся никакой работой.

Двое изъ этихъ слушателей — старушка со спицами и рябоватый господинъ, моргавшій глазами, были очень вни-

мательны къ разсказчику и, повидимому, вѣрили каждому его слову съ тою безусловною вѣрою, съ какою полуграмотные люди вѣрятъ каждой печатной строчкѣ. Дѣвушка, кажется, мало обращала вниманія на разсказы словоохотливаго старичка, и очень усердно занималась своимъ питьемъ; только изрѣдка поднимала она голову отъ своей работы, взглядывала на старичка, и въ эти минуты на лицѣ ея едва замѣтно мелькала улыбка, обнаруживавшая, можетъ быть противъ ея воли, что разсказы его не возбуждали въ ней большого довѣрія.

— Такъ вы, батюшка, были еще два раза за границей? спросила старушка, останавливая свои спицы.

— Три, отвѣчалъ старичокъ, значительно щуря свои глазки, и потомъ, медленно поднимая вѣки, продолжалъ:— въ первый разъ я ѣздилъ... ну, мнѣ тогда было лѣтъ девятнадцать... съ княземъ Кириломъ Андреичемъ Свѣтлозерскимъ — дѣдомъ вотъ нынѣшняго Павла Андреича. Второй разъ я ѣздилъ одинъ, съ своимъ мальчикомъ... Надобно вамъ сказать, что у меня былъ мальчикъ Петрушка, великій мастеръ варить шоколадъ... вотъ объ этомъ-то я и рѣчь веду.... Ну, а въ третій разъ... Старичокъ нѣсколько замялся и прибавилъ не совсѣмъ внятно:—а въ третій разъ я ѣздилъ лѣтъ пять назадъ тому.

— А вѣдь я думала, что вы только въ Петербургъ тогда ѣздили?

— Точно, я поѣхалъ въ Петербургъ, ну, а изъ Петербурга прямо на пароходъ, да и въ море. Осень была тогда бурная, качка страшнѣйшая; всѣ переболѣли морскою болѣзнію: такъ вотъ и валяются по палубѣ; одинъ я уцѣлѣлъ; преспокойно ѣлъ, пилъ и расказывалъ по пароходу точно какъ у себя въ Соколовкѣ.

— Скажите пожалуйста! замѣтила съ удивленіемъ старушка, качая головой.

— Удивительно-съ! замѣтилъ въ свою очередь работавый господинъ.

Старичокъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эти восклицанія, продолжалъ тѣмъ же ровнымъ и мѣрнымъ голосомъ и значительнымъ тономъ:

— Ну такъ вотъ, какъ я вамъ ужъ сказалъ, это

было во *вторую* мою поѣздку. Приѣзжаю въ Венецію, занимаю квартиру неподалеку отъ площади св. Марка. Квартира удивительная: размѣры, вышина комнатъ—все это грандіозно: въ этомъ *palazzo*, какъ я узналъ впоследствии, жила фаворитка предпоследняго дожа. Мнѣ давали бездную рекомендательныхъ писемъ ко всей почти европейской аристократіи: черезъ одно-то изъ такихъ писемъ я познакомился... съ маркизомъ Джіованни Пуччи и его семействомъ.

При этомъ старичокъ остановился на минуту, совсѣмъ закрывъ свои глаза.

— Семейство прекрасное, состоявшее только изъ отца и двухъ дочерей, продолжалъ онъ:—старшую звали Сабиной, а меньшую—Авреліей, собой красавицы, высокія, статныя, съ огненными глазами, итальянки чистой, кровной породы. Я съ маркизомъ Джіованни подружился со второго или третьяго свиданія. Мы полюбили другъ друга искренно, и не проходило дня, чтобы не видѣлись. Велю, бывало, подать себѣ гондолу, и говорю гондольеру: «къ маркизу Пуччи»; да ему, впрочемъ, потомъ и говорить было не нужно: самъ прямехонько, безъ всякихъ приказаній везетъ меня къ мраморнымъ ступенямъ палаццо Пуччи.

Старичокъ усмѣхнулся и бросилъ самодовольный взглядъ на своихъ слушателей.

— Или, бывало, сидишь у себя дома, читаешь, занимаешься чѣмъ нибудь,—глядь, а маркизъ ужъ тутъ, да еще съ обѣими дочерьми; пріѣдетъ, бывало, запросто, безъ всякой церемоніи. Ну, я имъ велю подать шоколаду, угощаю ихъ, рассказываю имъ про Россію, про наши снѣга, морозы,—и время проходитъ незамѣтно. Маркизъ и дочери его заслушивались меня по цѣлымъ часамъ; особенно Сабина интересовалась моими разсказами.

Тутъ старичокъ снова улыбнулся, значительно вздохнулъ и взглянулъ на дѣвушку:

— Сабина была тогда вашихъ лѣтъ, Катерина Павловна.

Затѣмъ онъ остановился опять на минуту, еще вздохнулъ, сжалъ свои тонкія губы, покачалъ головой и прошепталъ:

— Все-то это прошло!

— Такъ какже-съ, то-есть на какомъ же это вы языкѣ, Александръ Ивановичъ, съ ними говорили? спросилъ почтительно, спотыкаясь на каждомъ словѣ, рябоватый господинъ.

— На какомъ? разумѣтся, на итальянскомъ, отвѣчалъ старичокъ важно и несмотря на рябоватаго господина, который нѣсколько смутился, разинулъ ротъ и произнесъ длинное «а!»

Александръ Ивановичъ спокойно продолжалъ:

— Въ первый разъ, когда маркизъ Джіованни пилъ у меня шоколадъ, онъ обратился ко мнѣ въ совершенномъ изумленіи и спросилъ: «Да скажите, пожалуйста, кто это у васъ такъ превосходно варить шоколадъ? Я, признаюсь, нигдѣ и никогда не пивалъ во всей Италіи такого вкуснаго шоколада, не исключая даже и его величества короля Обѣихъ Сицилій». Отгадайте-ка, маркизъ! сказалъ я.—Попробуйте. Бьюсь объ закладъ, что не отгадаете. Этотъ шо-ко-ладъ ва-рилъ мой крѣ-по-стной мальчикъ Петрушка; а вотъ вамъ онъ—и на лицо.

Я указалъ маркизу на вошедшаго въ эту минуту Петрушку.

Маркизъ подошелъ къ Петрушкѣ, посмотрѣлъ на него въ лорнетъ, ласково потрепалъ по плечу и сказалъ ему... не помню, что именно, только нѣсколько привѣтливыхъ, лестныхъ словъ.

— Которыхъ вашъ мальчикъ, разумѣтся, не понялъ? сказала дѣвушка, улыбаясь и взглянувъ на старичка.

— Нѣтъ, отвѣчалъ старичокъ безъ всякаго смущенія,— но я для ободренія Петра перевелъ ему слова маркиза.

Разсказъ старичка привелъ въ немалое изумленіе старушку и рябоватаго господина. Старушка даже очень интересовалась узнать о Петрушкѣ: изъ какой онъ именно семьи былъ взятъ и когда, и удивлялась, почему она, которая знаетъ всѣхъ дворовыхъ людей въ Соколовкѣ, со-всѣмъ не помнитъ его....

Но мнѣ пора, я думаю, сказать, гдѣ происходитъ дѣйствіе, и обратить вниманіе читателя на эти лица, потому что они будутъ играть здѣсь немаловажную роль.

Старушка—вдова-помѣщица Бѣлова; ее звали Вѣрой Ивановной. Вѣра Ивановна лѣтъ за десять передъ этимъ лишилась своего супруга, Павла Васильича, который скончался внезапно отъ сильнѣйшаго апоплексическаго удара, или отъ *кондрашки*, какъ выражался отставной штабс-ротмистръ Кобеляковъ, сосѣдь по деревнѣ Вѣры Ивановны, о которомъ еще будетъ говорено въ свое время. Павелъ Васильичъ былъ человѣкъ нрава безпечнаго и кроткаго, жилъ съ своей Вѣрой Ивановной, что называется, душа въ душу и прижилъ съ ней втеченіе своей долговременной, благополучной и безмятежной брачной жизни пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ четверо умерли въ раннемъ возрастѣ, и осталась въ живыхъ одна только Катя,—та самая дѣвушка, о которой было упомянуто выше. Такого примѣрнаго согласія въ супружескомъ быту, которое царствовало между Вѣрой Ивановной и Павломъ Васильичемъ, встрѣтить было не очень легко. Ни Вѣра Ивановна безъ Павла Васильича, ни Павелъ Васильичъ безъ Вѣры Ивановны, казалось, рѣшительно не могли существовать. Они жили какъ голубь съ голубкой, какъ Филемонъ съ Бавкидой, какъ Аѳанасій Ивановичъ съ Пульхеріей Ивановной. Вѣра Ивановна едва пережила смерть Павла Васильича, и то вѣроятно потому только, что у нея осталась на рукахъ осмилѣтняя Катя. «Мнѣ теперь ничего не нужно—думала Вѣра Ивановна—безъ него, безъ моего милаго друга. Сберегу, что получше, для моей сиротинки. Буду копить ей деньжонки на воспитанье, да на приданое. Я хоть сама и невоспитанная и неученая, но знаю, что теперь безъ этого нельзя».

И, въ самомъ дѣлѣ, Вѣра Ивановна отказывала себѣ рѣшительно во всемъ, даже въ самомъ необходимомъ, тряслась, какъ говорится, надъ каждой копейкой, хотя отъ природы не имѣла ни малѣйшей скупости—для того, чтобы въ послѣдствіи ни въ чемъ не отказывать Катѣ.

Для Кати сначала нанята была гувернантка за довольно умѣренную цѣну; для нея потомъ выписывались самые лучшіе учителя, какихъ только можно было отыскать въ губернскомъ городѣ. Вѣра Ивановна не жалѣла